

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37

LANGUAGE AND EMOTION: DISCOURSE-PRAGMATIC PERSPECTIVES

Laura Alba-Juez¹ & Tatiana Larina²

¹National Distance Education University — UNED
Paseo Senda del Rey, 7. 28040 Madrid, Spain

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ЯЗЫК И ЭМОЦИИ: ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Лаура Альба-Хуэс¹, Т.В. Ларина²

¹Национальный университет дистанционного образования (UNED)
Paseo Senda del Rey, 7. 28040 Madrid, Spain

²Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

INTRODUCTION

This special issue of our journal is devoted to a topic that is increasingly attracting the attention of linguists in the 21st century, namely the expression of emotion in discourse. We are addressing this subject for the second time: The first issue came out exactly three years ago (2015-1) and it was devoted to Russian studies on emotion. This time we have invited leading scholars in the field from all over the world. The main goal of this issue is then to make the reader familiar with the main avenues of research on language and emotion that have been developed by these specialists and other scientists from different corners of the planet, as well as to build academic bridges for further collaboration.

1. AN IMPORTANT CHANGE OF PARADIGM IN LINGUISTICS. THE RISE OF EMOTION IN PRAGMATIC AND DISCOURSE STUDIES

Some people might wonder if emotion has anything at all to do with language, or think that emotion cannot be a topic for serious scientific research. In fact, this has been a common belief for many years, even among linguists and other scholars. But fortunately, this was yesterday's news. Today's news is that emotion matters in every scientific field and in particular, in linguistics, because it is a key factor not only in understanding human nature, but also in the comprehension of human language and communication.

Indeed, when people feel emotions they may not only show their internal states physically (e.g. by blushing or changing their facial expression), but also perform speech acts which are interpersonal in nature and have particular consequences. And by so doing speakers manifest, and at the same time affect, certain aspects of the cognitive, social and discourse systems they belong to. Indeed, emotion affects language and at the same time is affected by language: the way we feel may influence the way we talk and express those feelings, and at the same time, the way we name or talk about emotions can affect the way we feel such emotions.

Perhaps nothing is more human than the verbal expression of emotion, for even though other animal species may express certain basic emotions in non-verbal ways, they certainly cannot talk about them (Alba-Juez & Mackenzie, 2016: 242). Sharing emotions is a crucial social activity which forms part of everyday conversation and interaction and helps us maintain both our mental and physical health. To express and understand these emotions appropriately is therefore important to interpersonal relationships and individual well-being (Fussell, 2002). Furthermore, it can be said that human emotion lies at the root of verbal communication. As Russian emotiologists suggest, in the beginning was not the *Word*, but the *Emotion*, because the basis of primary and secondary nominations from the very beginning were the emotions of a person, not yet *Homo Loquens*, but already *Homo Sentiens* (Shakhovsky 2008: 10). If we do not have the motivation to talk about something, our speech will most surely be very restricted (Foolen, 2015). As Stern (1965[1931]: 54) put it, “If a thing were quite indifferent to me I would not say it”. Also, if a speaker feels that her interlocutor is not interested in what she is saying, it will be hard to continue speaking. Thus, emotion in communication works in both directions: not only the speaker has to have the motivation to speak, but the interlocutor should be willing (and therefore positively predisposed, showing a positive attitude) to listen; otherwise, communication will not take place.

In the 20th century, linguistics was mainly concerned with the referential function of language and the linguistic code per se. Language was seen as an abstract and logical instrument for dealing with factual information. The also true fact that language is strongly affected by and loaded with emotion was almost completely disregarded. But towards the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the world of scientific and humanistic research started to reflect upon the fact that language/discourse is much more than a code or some grammatical, morphological or phonological rules: the pragmatic, cognitive and emotive dimensions of human communication transcend the linguistic code, and this had to be reflected upon and shown in the research. Thus the world of linguistics geared towards what has now been called “the emotional turn” (Le Doux, 2000). Linguists started to study the phenomenon from a more objective, scientific point of view and thus came to the conclusion that indeed, as Ochs and Shieffeling had already pointed out back in 1989, “language has a heart”. As several authors have now observed, emotion is undoubtedly a very important part of every kind of communication, and can be found at all the levels of linguistic description (Alba-Juez & Mackenzie 2016, Borod et al. 2000, Foolen 2016, Majid 2012, Shakhovsky 2008, 2010, 2015a) and in every discourse system (in the sense given to the term by Scollon,

Scollon & Jones 2012). Moreover, as many authors have stated (e.g. Myagkova 2000, Shakhovskiy 2008), any word is discursive and can be emotionally charged.

Thus, it can be said that we are currently experiencing the emergence of a new interdisciplinary field, namely *emotion linguistics*, or *emotiology* (an already well-established term in Russian), which is based on different theories of emotions coming from various disciplines, such as philosophy, biology, cognitive science, psychology, social studies, neurology, information science, or existentialism (Shakhovskiy 2008: 21). The linguistics of emotion, therefore, has an interdisciplinary nature, because it encompasses and goes through a number of paradigms of modern linguistics and science in general — communicative, cognitive, pragmatic, discursive, culturological. This multifarious nature of current research on emotion is the result of the logical and unavoidable development of psychologically oriented linguistics, which has found out that emotion affects all mental, verbal and non-verbal activity, and that it permeates all levels of human language. According to Shakhovskiy (2008: 383), this is not a thesis or a hypothesis, but an axiom.

As Lüdtke (2015: ix) observes, the emotional turn in linguistics is the way “for finally conceptualizing the wholeness of language”, for advancing from “individual rational logos” into “intersubjective emotional dialogue”. However, this does not mean that the old rational paradigm has to be discarded; on the contrary, we strongly believe that the old and the new paradigms should ‘unite forces’ in order to acquire a better understanding of what human language is and how it operates. Thus, the rationalistic paradigm is now being *supplemented* by the emotion-integrating paradigm, and this involves, among other things, the consideration of linguistic heterogeneity, a certain openness to analyze and understand the transgression of linguistic norms, a spatialization of linguistic phenomena, or the consideration that, even if language shows arbitrariness in some respects, it also displays motivation in some others. Things are no longer black or white in linguistics, let alone in the subfield of discourse studies, and this is precisely what is exciting about it: language is a very complex, pragmatic dynamical system (van Gelden, 1998) and the sub-system of emotion within language is complex and dynamic as well. Thus, under this new light, we see the expression of emotion as a pragma-linguistic phenomenon which shows the relationship *brain-body-world* within a dynamical system (Gibbs 2010), which reflects the sequential cyclic structure *sense-think-act* in Dynamical System Theory¹ (Alba-Juez & Alba-Juez 2012).

And precisely because of its complexity, the concept of emotion is difficult to define, which makes the researcher inevitably ask many questions, such as *What exactly is an emotion? Can emotions be measured through observation of brain, body and language? Should emotion be differentiated from cognition? How many emotions can we feel and/or express?* There seems to be no consensus among psychologists, sociologists anthropologists, linguists or neurologists when it comes to answering these

¹ Dynamical System Theory was initially a mathematical theory which was thought out to explain physical phenomena such as the movement of celestial bodies, but which is nowadays also being used to explain cognitive and pragmatic phenomena (See van Gelden 1998).

and other questions, and cannot give any ‘right’ answers here. Better, these questions make us reflect upon the fact that, because of its variety and complexity, the study of emotion has to be a multi- and interdisciplinary endeavor (linking cognitive, cultural, linguistic and physiological phenomena, among others). Linguists in general have realized that they cannot comprehend such a complex phenomenon as the expression of emotion in its whole magnitude without of such a complex phenomenon as the expression of emotion without the help of other fields of knowledge. Cognitive linguists, for instance, have drawn extensively on the findings of psychology when trying to understand emotion in language, for they bear the assumption that language and cognition interact. Another discipline from which linguists have drawn for the study of emotion is that of physiology: The cognitive linguistic perspective does not reject the idea that emotions have a physiological substrate, but argues against the dangers of universal claims about language-specific categories (based on psychological theories of basic emotions such as Ekman’s [2007 (2003)]). Our view in this respect is that emotion in language has both universal and language/culture-specific characteristics, and is in line with the findings of research on both sides. For instance, the results of a study on prosodic universals in discourse particles (Pistor 2016) show that prosody has the universal functions of “primarily discourse-pragmatically organizing communication, and secondarily emotionally communicating the attitude of the speaker” (2016: 872). On the other hand, and to give an example of the opposite view, there are numerous studies on the lexicon of emotion that show the culture specificity of the categories used to describe different human emotions (see, for instance, Russel 1991, Wierzbicka 1999, 2001, Harkins and Wierzbicka 2010). For example, the term *disgust* in English has no exact equivalent in Polish, and concepts such as Japanese *Amae* (甘え, the feeling you get from surrendering to another in perfect safety) or German *Schadenfreude* (the pleasure derived from another’s displeasure) have no equivalent terms in other languages (Russel 1991). The English words *sad* and *sadness* do not have exact equivalents in Russian, which has three words to express different varieties of sadness which differ in duration and intensity — *grust’*, *pechal’* and *toska* (Wierzbicka 2001). The semantics of the English adjective *happy* is much broader in comparison with the Russian word *schastliviy*, which provokes serious misunderstandings in intercultural communication (Larina 2015). A lot of emotional experiences, such as joy, sadness or anger are often conceptualized in Russian as inner actions in which one engages, rather than as states which one passively undergoes and so they are often expressed by verbs rather than adjectives (Wierzbicka 1999: 18). As a result, the Russian language, in contrast with English, possesses a higher number of emotional verbs. Studies on cultural semantics have pointed to the semantic differences between emotion words given in the bilingual dictionaries as translation equivalents (see for instance, Gladkova 2010). Not even the word *emotion* has a complete equivalent in German, French, Italian or Russian (Wierzbicka 1999: 19). That is one of the reasons why we need further research on this topic, for until very recently, lexicography studies leading to the compilation of dictionaries had not taken the valence or the emotive content of words into account for the characterization and definition of dictionary entries.

Thus, every human being, regardless of their language or nationality, experiences emotions, but the manifestation of emotions, their expressiveness, function, pragmatic

meaning, or vector of orientation have their own cultural/group peculiarities that are reflected in language and discourse and shape *communicative ethnostyles* (Larina 2009, 2015). Each human group (in their different discourse systems) has its own culturally conditioned rules for the manifestation of emotions, both verbal and nonverbal. Some groups of people tend to welcome the free expression of emotions; others, in different discourse systems, appreciate self-restraint and self-control. To understand the pragmatics of emotions in intercultural/inter-discourse system communication, it is useful to distinguish between *emotional communication* — the instinctive, spontaneous, unplanned, physical externalization of internal affective states, and *emotive communication* — the conscious use of affective display for communicative purposes (Janney & Arndt 1992). By way of example, it appears to be the case (Larina 2009: 122) that emotive communication is more typical of British English communicative style, where it is broadly used as a marker of positive politeness, while in contrast, there seems to be a tendency for the Russians to engage in emotional communication, since they value sincerity and very often show a preference for direct strategies of communication.

Schwarz-Friesel (2015: 162) describes emotion as a mental state or process with three main parameters, namely 1) value (positive or negative: E.g. *His love made her happy (+)*), 2) Duration (E.g. *His rage lasted for ever*) and 3) intensity, which may be weak, medium or strong, and represented in language by different markers (E.g.: *She felt awkward/very awkward/ exceedingly awkward/ as if she was an extra-terrestrial being*). From this perspective, Schwarz-Friesel (2015: 161) defines emotion as “a complex internally represented knowledge system having a primarily evaluative function within the human organism”. In general, the different attempts to define emotion, be them from the field of psychology or linguistics, always have a thing in common, and that is the consideration of the evaluative component of the phenomenon. Within Appraisal Theory (Martin & White, 2005) for instance, a systemic functional approach to linguistic evaluation, Affect (including the expression of emotion) is an important subcomponent of the subsystem of Attitude.

An interesting observation, also coming from Systemic Functional Linguistics, is the distinction that Monika Bednarek (2008) makes between *emotion talk* and *emotional talk*. The former alludes to the *representation* of emotion in talk, so we use it when we say things such as “He feels sad” or “She hates John” by means of which we are talking *about* certain feelings or emotions. For this reason, emotion talk is connected to the experiential function of language (Halliday, 1985). On the other hand, *emotional talk* is connected to the interpersonal function, for it alludes to the *enactment* of emotion, i.e. the direct expression of emotion, which is encoded, for instance, in interjections (e.g. *Ouch! Yummy!*), or certain prosodic features used to express strong emotion (e.g. the falling intonation on the adverb *out*, or a generalized high pitch in utterances such as *Get the hell out of here!!*).

Also from a functional perspective, but at the same time incorporating findings from psychological appraisal theories and from linguistic pragmatics, Alba-Juez (forthcoming) proposes to analyze the different dimensions of emotion by using an equation which presents a modified version of the functional relationship applied in previous work for the analysis of evaluation (Alba-Juez 2016, 2017). In particular, this author proposes

to tackle the analysis of emotion processes in language by incorporating pragmatic knowledge about phenomena such as emotional implicatures (*e-implicatures*, Schwarz-Friesel, 2010), as well as methodological treatment and classification of emotions from the *component* approach (Ortony & Turner 1990), which is partially connected with the psychological concept of emotion *systems* (Panksepp 1982).

All of the above constitutes good proof of the fact that emotion is a topic that is worth studying in linguistics, and in particular within the subfields of discourse analysis and pragmatics, for emotive meanings are interpersonal meanings which cannot be isolated from their different possible contexts (linguistic, cultural, social, emotional, etc.), and therefore, when analyzing emotive language, it is not sufficient to look into the words used; it is also utterly necessary to examine the situation and environment in which these words were uttered, as well as how all these variables (linguistic, paralinguistic and extralinguistic) interact. Thus, many discourse-pragmatic studies show the importance of the role of emotion in phenomena such as metaphors, implicatures, irony or humor, within different text/discourse types such as electronic discourse, narrative, journalistic discourse, or political discourse, just to name a few. Below is a list of relatively recent such studies and work:

- Günthner (2011) examines the way in which participants in everyday German narratives construct emotions as social phenomena by using so called “dense constructions”;
- Potts and other authors argue that *expressives* are indispensable to language, and include the analysis of several phenomena, such as the use of expletives, honorifics, diminutive suffixes, interjections, affective demonstratives and pragmatically negative negation (Constant, Davis, Potts & Schwarz 2009, Davis & Potts, 2009, Potts 2007a, 2007b, 2010; Potts & Schwarz 2010);
- Blakemore (2010) studies emotive interjections in fiction as a way for authors to capture features of the different characters that may otherwise prove difficult to express;
- grammatical means which possess significant emotive potential and can express emotions in discourse, i.e. emotion at the syntactic level, is another topic of interest for some researchers (e.g. Fedorova 2005, Ozyumenko 2015, Parsieva, Gatsalova 2012);
- swearing and taboo words (which are also associated to different emotions, and play a very important part in their expression) is another area of discourse-pragmatic studies which is currently calling the attention of many scholars. See for instance Dewaele (2016), Jay (2009), Larina et al. (2012), Mackenzie (forthcoming), Sternin (2015, or Zhelvis (2002);
- many scholars explore negative emotions and their functions as part of a study of impoliteness, rudeness, aggression and intolerance in different contexts and discourses (e.g. in interpersonal communication, media and political discourse). See for instance Gornostaeva (2014), Kharlova (2015), Ozyumenko (2017), Sedov (2003, 2017), Scherbinina (2017), Vorontsova (2012). Other scholars focus on positive emotions, their pragmatic meaning and effect, which in some

- contexts may be negative (e.g. Ionova 2015, Larina et al. 2011, Leontovich 2015, 2017);
- meaning and functions of emotions in intercultural communication and the importance of emotional awareness are broadly discussed in the literature on intercultural pragmatics and communication (e.g. Pavlenko 2002; Besemeres & Wierzbicka 2007; Larina 2009, 2013, 2017; Leontovich, Yakusheva 2004);
 - silence is another of the topics that have been treated in the literature on pragmatics as a feature of discourse conveying emotion. See, for instance, Marx's (2015) analysis of strategic silence in e-mail messages, or Kaul de Marlangeon's (2008) characterization of 'overwhelming silence' as an impoliteness strategy; or Vorontsova, Kopylova's (2017) silence as a marker of aggressive verbal behavior;
 - Ortner (2015) studies emotivity in the age of information and communication technologies, and argues that the construction and sharing of emotions is one of the main functions of computer-mediated communication;
 - researchers from the *Swiss Center for Affective Sciences* have devoted much of their work to the study of the use of emotive terms and emotive conceptual metaphors (e.g. Gillioz et al. 2016, Ogarkova et al 2016, Soriano et al. 2015; Soriano 2013, 2015, 2016); This topic has been widely studied by Russian linguists as well (e.g. Apresyan 2004, Anferova 2017);
 - The EMO-FunDETT research group in Madrid (Spain) is also producing a variety of discourse-pragmatic studies on the topic of language and emotion (See, for instance, Mackenzie's, Maíz-Arévalo's, Sancho-Guinda's or Yus' work in this volume, Carranza-Márquez's (2012 and forthcoming) studies on emotive language in parliamentary discourse, Carretero, Maíz Arévalo & Martínez's (2014) analysis of speech acts in online communication, Maíz Arévalo's (2014a and b, 2015) studies on emoticons and (dis)agreement on social network sites, Yus's (2005, 2014) work on emoticons and emotions on the internet study, or Santamaría's (2016) study on emotion in classroom discourse)². This group is at present preparing a volume entitled *Emotion in Discourse* (Mackenzie & Alba-Juez (eds.), forthcoming), where emotion is mainly treated from a discourse-pragmatic and cross-disciplinary perspective;
 - The school of Emotiology, headed by Professor Shakhovskiy, is actively developing a new field of research related to emotive ecology (Shakhovskiy 2016). It is based on the proposition that verbal actions, like other types of human activity, have social importance and are closely related to the social health of the nation as well as health of every individual. They study methods of emotional balancing, avoiding and mitigation of conflict, mitigation of speech aggression, forming abilities for emotional tolerance, etc. In other words, emotive *linguoecology* is a socially useful theory aimed at orienting

² The numerous other publications of this international group can be seen in the "Publications" section of the project's website: <http://emofundett.weebly.com/publications.html>.

communicators to a positive vector in all kinds of communication (e.g., Volkova 2014, Volkova, Panchenko 2016, Ionova 2015, Ionova (forthcoming), Ionova, Larina 2015, Karasik 2013, Rents 2016, Shakhovskiy 2013, 2015b, 2016, Trufanova 2016 and many others).

The studies mentioned above are just a few of the growing amount of works on emotion from a discourse-pragmatic perspective that reflect the change of paradigm we are experiencing in the 21st century. In the present issue of the *Russian Journal of Linguistics*, we are making our modest contribution to this new way of looking into the phenomenon of emotion in verbal communication by presenting the work of some prominent scholars from different parts of the world. We now turn to them.

2. THE ARTICLES IN THIS ISSUE OF THE *RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS*

All the authors presenting their work herein have paid special attention to emotive pragmatic issues, such as the semantics of emotion, irony or (im)politeness within certain types of discourse (e.g. biblical, political, or financial discourse). In the first article, **Anna Wierzbicka** (Canberra, Australia) examines the emotions of Jesus in the Gospels and focuses on *anger* in particular. She argues that in order to fully understand Jesus' teachings about *anger* we need to go beyond single words in any language, and try to articulate these teachings through simple sentences, making use of universal (i.e. universally-contestable) words, for which she therefore proposes the application of the *Natural Semantic Metalanguage* (NSM) (e.g. Wierzbicka 1999; Goddard and Wierzbicka 1994, 2002) to analyze this particular kind of discourse and thus be able to reach meaningful answers. She concludes, after a thorough analysis, that "an important part of the answer to the question of what Jesus was like lies in the distinction between, on the one hand, "feeling something very bad" and, on the other, "feeling something very bad towards someone" — a distinction which Minimal Language allows us to make clearly, precisely, and "cross-translatably".

In the second article, **Victor Shakhovskiy** (Volgograd, Russia) discusses the development of Language Personality Theory and substantiates the introduction of a new term: '*emotional communicative personality*'. The article describes the cognitive matrix of the emotional-communicative personality, and remarks that the new term does not reject the term '*language personality*' but completes it, filling a gap in its structure. The author also describes the methodology used for the study of this type of language personality, and conducts a comparative analysis of modern theories. He argues that the structural emotive component of language personality enables the researcher to explain how language personality can be ecological or non-ecological, and emphasizes that the proposed matrix may improve the ecology of communication, reduce communicative risks, and avoid communicative disturbances and failures in different communication types and genres.

In the next article, **J. Lachlan Mackenzie** (Amsterdam, The Netherlands) explores the use of the words *sentiment* and *confidence* in financial journalistic discourse in order to test the hypothesis that they will differ from each other in line with how they are deployed in ordinary usage. Drawing on functional semantics and Appraisal Theory

(Martin & White, 2005), the study scrutinizes how these words are employed in clauses and noun phrases in the on-line *Hong Kong Financial Services Corpus*. The findings of this corpus analysis reveal that even though the terms *sentiment* and *confidence* are quite distinct and have a different valence in general, ordinary use, in financial discourse they are used as synonyms most of the time. Another important conclusion drawn in this article is that the way in which these terms are used reflects the fact that the journalist writers are very much aware of the role of emotions as a crucial factor in the decision-making process of investors.

Francisco Yus's (Alicante, Spain) article on the way feelings and emotions are attached to propositions in ironic and internet discourse reveals, from the perspective of Relevance Theory (Sperber & Wilson, 1986), that albeit aspects such as feelings and emotions are typically non-propositional, they play a very important part in the eventual quality of the interpretations to which they are attached. Thus the author concludes that non-propositional feelings and emotions are important in human communication, not only when intended as part of the eventual interpretation (the addresser's affective attitude) but also when leaked unintentionally from the act of communication (what he calls 'affective effects').

Anna Gornostaeva (Moscow, Russia) also approaches the phenomenon of verbal irony in her study. She conducts a comparative analysis of the discourse of Russian, British and American politicians in order to identify current trends in the use of ironic metaphors and correlate them with the changes in contemporary political discourse. She develops a discursive approach to the study of ironic metaphors (Shilikhina 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), and identifies the conceptual spheres that are the most active sources of modern metaphors. She also identifies the functions of ironic metaphors in political discourse, the results of her analysis showing a high frequency of use of ironic metaphors (including aggressive ones) in modern political discourse. Additionally, this author reveals some peculiarities in the usage of ironic metaphors in Russian, English and American political discourses, which are predetermined by culture-specific discursive features.

Carmen Sancho-Guinda (Madrid, Spain) examines emotional prosody in risk communication, and explores how emotion is induced by the National Transportation Safety Board (NTSB) of the United States of America in order to influence the thinking and behavior of the general public and thus increase risk prevention. For that purpose, she uses an electronic corpus of over 500 online samples of fatal aviation dockets issued yearly online by the NTSB between the time span 2010—2015, and takes Stubbs' (2001) concept of 'discursive prosody' as point of departure, using a blended theoretical framework that combines Narratology, Corpus Linguistics, Critical Discourse Analysis, and Proximation (Cap 2013) and Positioning (Harré & van Langenhove 1999) Theories. She shows that the NTSB's emotional prosody is more rhetorical than lexical, and that the narrative strategies of focalization and speech representation play a salient role in exhibiting a distinctive 'emotional tone' for the sake of increasing risk prevention.

Carmen Maíz-Arévalo (Madrid, Spain) analyzes emotional Self-presentation (i.e. the process through which individuals communicate an image of themselves to others) in WhatsApp profiles, using a corpus of 206 WhatsApp statuses in Spanish. The results

of her study show that there is a recurrence of patterns connected to variables such as sex or age, and that these patterns play a crucial role in determining the emotions users choose to display in their profile statuses, with female users outnumbering male users in the use of emotive speech acts (hence helping to strengthen the sociocultural gender stereotype that women are more emotional than men), and younger users (in their 20s and 30s) employing emotives much more frequently than older generations (especially in their 50s and 60s). Another, non-surprising finding of this study is that positive emotions dramatically outnumber negative ones when people present themselves through their WhatsApp statuses, the prevailing emotion being love.

From a pragmatic sociocultural approach, **Silvia Kaul de Marlangeon** (Río Cuarto, Argentina) explores the connection among the *fustigation* type of impoliteness (Kaul de Marlangeon 2005, 2008), emotions and *extimacy* in the discourse of the Argentine media celebrities, within the Rio de la Plata cultural context. The author characterizes the concept of *extimacy* as a volitional form within an aggressive relationship, used for the promotion of the speaker's ego by means of a kind of exhibitionism that shares one's and others' intimacy with the public. She analyzes numerous instances of the manifestation of extimacy in media discourse, and her findings show that fustigation impoliteness (i.e. aggressive, violent impoliteness) imbued with negative emotions appears to be a usual practice among media celebrities, and that both imposed and attributed extimacy constitute a new way of communicating with mass-media audiences which was unthinkable before.

Yana Volkova (Moscow, Russia) and **Nadezhda Panchenko** (Volgograd, Russia) present a study on destructive emotions. They analyze the discursive variation of the conceptualization of three emotions: *gnyev* ('*anger*'), *revnost* ('*jealousy*'), and *prezreniye* ('*contempt*'). Drawing on semantic, cognitive and discourse analysis, they explore data taken from explanatory and etymological dictionaries of the Russian language and the *Russian National Corpus*, both synchronically and diachronically, and revealed some changes in the conceptualization of destructive emotions. The authors suggest that the modifications of the evaluative connotations of the analyzed lexemes are due to the societal changes in emotional values associated with the attitude towards destructive emotions, which indicates a shift in the value orientation of the language personality.

CONCLUSION

All in all, the main aim of this issue is to present and make the reader familiar with the work of outstanding researchers who have devoted much of their time and effort to explore the fascinating relationship between language and emotion. We hope to succeed in our attempt, as well as to ignite in our readers a flame of curiosity, interest and positive emotions towards the topic.

We are most grateful to all the authors for their enlightening articles, and invite those readers who have questions or comments on the issues discussed to contact us. We will be happy to discuss them in future issues of the journal.

RU

ВВЕДЕНИЕ

Этот специальный выпуск нашего журнала посвящен теме, которая все больше привлекает внимание лингвистов в XXI веке, а именно — выражению эмоций в дискурсе. Мы обращаемся к этому вопросу во второй раз: первый специальный выпуск по эмоциям вышел ровно три года назад (2015, 1) и был посвящен исследованию эмоций российскими учеными. На этот раз мы пригласили ведущих ученых из разных стран мира. Цель этого выпуска — познакомить читателей с актуальными направлениями исследований эмоций, а также построить мост для дальнейшего сотрудничества между российскими и зарубежными исследователями.

1. ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ. РОСТ ИНТЕРЕСА К ЭМОЦИЯМ В ПРАГМАТИЧЕСКИХ И ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Можно задаться вопросом, имеют ли эмоции какое-либо отношение к языку или они не могут быть предметом серьезных научных исследований. Еще не так давно ответ на этот вопрос был однозначно отрицательным. Однако сегодня общепризнанно, что изучение эмоций имеет большое значение для всех гуманитарных наук, включая лингвистику, так как это ключевой фактор не только для понимания природы человека, но и для понимания языка и общения. Действительно, когда люди испытывают эмоции, они могут не только физически проявлять свое внутреннее состояние (например, покраснело лицо или изменилось выражение лица), но и совершать речевые акты, которые являются межличностными по своей природе и имеют определенные последствия. Тем самым говорящие выражают себя и в то же время воздействуют на определенные аспекты систем познания, социальной и дискурсивной системы, к которым они принадлежат. Действительно, эмоции влияют на язык и в то же время подвергаются влиянию со стороны языка: то, что мы чувствуем, может влиять на то, как мы говорим и выражаем свои чувства; но в то же время то, как мы называем чувства и эмоции или что мы о них говорим, также влияет на то, как мы их испытываем и проявляем.

Возможно, нет ничего более человеческого, чем словесное выражение эмоций. Обмен эмоциями — это важная социальная деятельность, которая является частью повседневного общения и помогает нам поддерживать наше психическое и физическое состояние. Следовательно, корректное выражение и понимание эмоций важно для межличностных отношений и личного самочувствия (Fussell, 2002). Более того, можно сказать, что эмоции лежат в основе вербального общения. Как отмечает В.И. Шаховский, сначала было не *Слово*, а *Эмоция*, поскольку в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, еще не *Homo loquens*, но уже *Homo sentiens* (Шаховский 2008: 10). Если у нас нет мотивации говорить о чем-то, наша речь, безусловно, будет очень ограничена (Foolen, 2015). Как сказал Стерн (Stern 1965 [1931]: 54): «Если бы мне что-то было совершенно безразлично, я бы не говорил об этом» (перевод наш. — Т.Л.). Кроме того, если говорящий считает, что его собеседник не заинтересован в том,

что он говорит, то продолжать разговор будет трудно. Таким образом, эмоции в общении работают в обоих направлениях: не только говорящий должен иметь мотивацию говорить, но и собеседник должен быть готов слушать (и, следовательно, быть позитивно предрасположенным, проявлять позитивное отношение), в противном случае акт коммуникации не состоится.

В 20 веке лингвистика в основном занималась изучением референциальной функции языка и лингвистического кода как такового. Язык рассматривался как абстрактный и логичный инструмент для работы с фактической информацией. Тот факт, что язык осложнен эмоциями и сильно зависит от эмоций, почти полностью игнорировался. Но к концу 20-го — началу 21-го веков представители основных направлений научных исследований стали приходить к мысли о том, что язык/дискурс — это нечто большее, чем код или некоторые грамматические, морфологические или фонологические правила: прагматические, познавательные и эмоциональные аспекты человеческого общения выходят за рамки лингвистики, и это должно было отразиться и проявиться в исследованиях. Таким образом, лингвистика совершила то, что теперь называется «эмоциональным поворотом» (Le Doux 2000). Лингвисты начали изучать это явление с более объективной, научной точки зрения и пришли к выводу, что «язык имеет сердце» (Ochs and Schieffelin 1989). Действительно, как уже неоднократно отмечалось, эмоции безусловно являются важной составляющей любого типа общения и пронизывают все уровни языка (Foolen 2016, Alba-Juez & Mackenzie 2016, Borod et al., 2000, Majid 2012, Шаховский 2008, 2010, 2015a) и каждую систему дискурса (в смысле, данном термину Scollon, Scollon & Jones 2012). Более того, как отмечают многие авторы, каждое слов дискурсивно и может быть эмоционально заряжено (Мягкова 2000, Шаховский 2008).

В настоящее время мы можем говорить о становлении нового междисциплинарного направления лингвистических исследований — *лингвистики эмоций*, или *эмотиологии* (этот термин уже устойчиво закрепился в русском научном языке), которая основывается на данных ряда концепций и теорий эмоций: философской, биологической, когнитивной, психологической, социальной, неврологической, информационной, познавательной, функциональной, экзистенциальной и др. (Шаховский 2008: 21). Лингвистика эмоций, таким образом, носит междисциплинарный характер, поскольку в ней перекрещивается ряд парадигм современной лингвистики и науки в целом — коммуникативная, когнитивная, прагматическая, дискурсивная, культурологическая и др. Этот многосторонний характер исследований эмоций является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила, что эмоции влияют на ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека и пронизывают все уровни языка. Как подчеркивает В.И. Шаховский, сейчас это уже не тезис и не гипотеза, а аксиома (Шаховский 2008: 383).

Как отмечает Людтке (Lüdtke 2015: ix), эмоциональный поворот в лингвистике — это путь «к завершению осмысления целостности языка», к продвижению от «индивидуальных рациональных суждений» к «межсубъектному эмоциональ-

ному диалогу». Однако это не означает, что старая рациональная парадигма должна быть отброшена; напротив, мы считаем, что старую и новую парадигмы необходимо объединить, чтобы лучше понять, что такое язык и как он функционирует. Таким образом, рациональная парадигма в настоящее время дополняется эмоциональной, что позволяет рассматривать язык в его целостности, проводить более широкий и всесторонний анализ, понимать изменчивость языковых норм и широту распространения языковых явлений. В лингвистике, не говоря уж о такой ее области, как дискурсология, больше не существует черного и белого, именно это и интересно: язык — чрезвычайно сложная прагматическая, динамическая система (van Gelden 1998), и подсистема эмоций внутри языка столь же сложна и динамична. Таким образом, в этом новом свете мы рассматриваем выражение эмоций как прагмалингвистическое явление, которое показывает взаимоотношения *brain-body-world* (мозг — тело — окружающий мир) в рамках динамической системы (Gibbs 2010), что отражает последовательную циклическую структуру *sense—think—act* (чувство—мысль—действие) в теории динамической системы³ (Alba-Juez & Alba-Juez 2012).

Понятию *эмоция* трудно дать определение именно из-за его сложности. Исследователю неизбежно приходится задавать вопросы: *Что такое эмоция? Можно ли измерять эмоции посредством наблюдения за мозгом, телом и языком? Следует ли отличать эмоции от познания? Сколько эмоций мы можем ощущать и выражать?* Психологи, социологи, антропологи, лингвисты и даже неврологи не пришли к консенсусу при попытке ответить на эти и другие вопросы, поэтому здесь мы не будем и не можем давать никаких «правильных» ответов. Эти вопросы заставляют нас задуматься о том, что из-за их разнообразия и сложности изучение эмоций должно быть многоплановым и междисциплинарным и связывать между собой когнитивные, культурологические, лингвистические, физиологические и иные явления. В целом, лингвисты поняли, что они не могут охватить изучение такого сложного явления, как выражение эмоций, без помощи других областей знаний. Пытаясь понять эмоции в языке, лингвисты-когнитологи, например, широко используют результаты исследований в психологии, поскольку они показывают, что язык и познание взаимодействуют. Физиология — еще одна дисциплина, которую лингвисты используют для изучения эмоций. Когнитивная лингвистика не отвергает идею о том, что эмоции имеют физиологическую основу, однако выступает против опасных утверждений об универсальности языковых категорий, имеющих свою специфику в разных языках (на основе психологических теорий базовых эмоций, таких как теория Экмана [Ekman 2007 (2003)]).

Наша точка зрения по данному вопросу заключается в том, что эмоции в языке имеют как универсальные, так и специфические черты, что подтверждается результатами многочисленных исследований. Например, результаты исследования

³ Теория динамической системы первоначально представляла собой математическую теорию, которая была разработана для объяснения физических явлений, таких как движение небесных тел, а в настоящее время также используется для объяснения когнитивных и прагматических явлений (см. [van Gelden 1998]).

просодических универсалий в дискурсивных частицах (Pistor 2016) показывают, что просодия обладает универсальными функциями, во-первых, в дискурсивно-прагматической организации коммуникации и, во-вторых, при эмоциональной передаче отношения говорящего (Pistor 2016: 872).

С другой стороны, в качестве примера противоположной точки зрения можно привести многочисленные исследования по лексике эмоций, которые показывают культурную специфику категорий, используемых для описания различных эмоций (Russel 1991, Wierzbicka 1999, Harkins and Wierzbicka 2010, Вежбицкая 2001 и многие др.). Например, английское слово *disgust* (отвращение) не имеет точного эквивалента в польском языке, японское *Amae* (甘え, «чувство, которое вы испытываете, сдаваясь другому в совершенной безопасности») или немецкое *Schadenfreude* («удовольствие, получаемое в результате неудовольствия другого»), не имеют эквивалентных слов в других языках (Russel 1991). Английские слова *sad* (грустный) и *sadness* (грусть) не имеют точных эквивалентов в русском языке, где существует три слова для выражения оттенков грусти, различающихся по длительности и степени интенсивности — *грусть*, *печаль*, *тоска* (см. [Вежбицкая 2001]). Семантика английского прилагательного *happy* существенно шире, чем его русского переводного эквивалента *счастливый*, что вызывает серьезные непонимания в межкультурном общении (Ларина 2015).

В русском языке многие эмоции, такие как *радость*, *грусть*, концептуализируются как внутренние действия, а не пассивные состояния и выражаются глаголами, а не прилагательными (Wierzbicka 1999: 18). В результате в русском языке значительно больше эмоциональных глаголов, чем в английском. Исследования в области культурной семантики выявили многочисленные различия между эмоциональными словами в одном языке и их переводными эквивалентами в другом (см., например, [Гладкова 2010]).

По наблюдениям А. Вежбицкой, даже слово *emotional* не имеет своих полных эквивалентов в других языках, в частности, в немецком, французском, итальянском и русском (Wierzbicka 1999: 19). Это одна из причин, почему необходимы дальнейшие исследования в этой области, поскольку до недавнего времени в лексикографических исследованиях, являющихся основой для составления словарей, далеко не всегда и не в полном объеме учитывалось эмоциональное содержание слов при написании словарных статей.

Таким образом, каждый человек, независимо от своего языка или национальности, испытывает эмоции, но проявление эмоций, их экспрессивность, функции, прагматическое значение, векторная направленность имеют свои культурные/групповые особенности, которые отражаются в языке, проявляются в дискурсе и формируют *коммуникативные этностили* (Ларина 2009, Larina 2015).

Каждая группа (в разных системах дискурса) имеет свои собственные культурно обусловленные правила проявления эмоций, как вербальных, так и невербальных. В некоторых культурах приветствуется свободное выражение эмоций, в других ценятся самоограничение и самоконтроль. Чтобы понять прагматику эмоций в межкультурной коммуникации, важно различать *эмоциональную коммуникацию* — инстинктивное, спонтанное, незапланированное проявление внутренних эмоциональных состояний и *эмотивную коммуникацию* — сознательное

проявление эмоций для коммуникативных целей (Janney & Arndt 1992, Ларина 2015). Так, например, эмотивная коммуникация более типична для английского стиля коммуникации, где она широко используется как маркер позитивной вежливости, в то время как представители русской культуры, которые высоко ценят искренность, предпочитают эмоциональную коммуникацию (Ларина 2009: 122).

Исследователи (например, [Schwarz-Friesel 2015]) описывают эмоции как психические состояния или процессы, характеризующиеся тремя основными параметрами: 1) оценкой — положительной или отрицательной: например, *His love made her happy* — Его любовь сделала ее счастливой (+), 2) продолжительностью, например, *His rage lasted for ever* — Его ярость длилась вечно и 3) интенсивностью, которая может быть слабой, средней или сильной и представленной в языке разными маркерами, например: *She felt awkward / very awkward / exceedingly awkward / as if she was an extra-terrestrial being* — Она чувствовала себя неловко / очень неловко / крайне неловко / как если бы она была вземным существом. При таком подходе автор определяет эмоцию как сложную внутренне представленную систему знаний, имеющую прежде всего оценочную функцию (Schwarz-Friesel 2015: 161—162).

В целом, различные попытки определения эмоции, будь они из области психологии или лингвистики, всегда имеют одно общее сходство — наличие оценочной составляющей понятия. Так, например, в рамках теории оценки (Martin & White 2005), системного функционального подхода к лингвистической оценке, Affect (включая выражение эмоции) является важным компонентом подсистемы Attitude.

Интересное наблюдение, также вытекающее из системной функциональной лингвистики, делает Моника Беднарек (Bednarek 2008), которая проводит различие между такими похожими словосочетаниями, как *emotion talk* и *emotional talk*. Первое подразумевает описание эмоций и используется, когда звучат такие фразы, как *He feels sad* (Ему грустно) или *She hates John* (Она ненавидит Джона), с его помощью мы говорим об определенных чувствах или эмоциях. По этой причине *emotion talk* связано с эмпирической функцией языка (Halliday 1985). *Emotional talk* соотносится с межличностной функцией, поскольку подразумевает демонстрацию эмоций, т. е. прямое выражение эмоций, передаваемых, например, междометиями (*Ouch! Yummy!*) или через некоторые просодические приемы, используемые для выражения сильных эмоций (например, общая высокая интонация в высказываниях типа *Get the hell out of here!* — Убирайся вон отсюда!, нисходящая интонация на предлоге *out*). Таким образом *emotion talk* — это разговор об эмоциях, а *emotional talk* — это эмоциональный разговор.

Кроме того, опираясь на функциональный подход, но в то же время используя результаты исследований в области психологических оценочных теорий и лингвистической прагматики, Альба-Хуэс (в печати) предлагает анализировать различные аспекты эмоций с помощью формулы, которая представляет собой модифицированную версию функциональных отношений, примененную в предыдущих работах для анализа оценки (Alba-Juez 2016, 2017). В частности, автор предлагает анализировать эмоциональные процессы в языке, используя прагматические знания о таких явлениях, как *эмоциональные импликатуры* — *e-impli-*

captures (Schwarz-Friesel 2010), а также методологию и классификацию эмоций с позиций компонентного подхода (Ortony & Turner 1990), который связан с психологической концепцией эмоций (Panksepp 1982).

Все вышесказанное является убедительным доказательством того факта, что эмоции — это тема лингвистики, которую необходимо изучать, в частности, в разделах дискурсивного анализа и прагматики, поскольку эмотивные значения связаны с межличностными отношениями и их нельзя изолировать от контекста (языкового, эмоционального, социального, культурного и т. д.). При анализе эмотивного языка недостаточно рассматривать только используемые слова, крайне необходимо изучать ситуацию и среду, в которой эти слова были произнесены, а также то, как все эти лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические переменные взаимодействуют. Многочисленные дискурсивно-прагматические исследования показывают важность роли эмоций в таких явлениях, как импликатура, метафора, ирония или юмор, в различных типах текста/дискурса — в электронном, мультимедийном, политическом и др. Ниже мы приводим список актуальных и значимых направлений исследований в области эмоций:

- функционирование экспрессивных элементов языка (уменьшительных суффиксов, междометий, средств выражения отрицания и др.) в различных текстах и дискурсах (Blakemore 2010, Constant, Davis, Potts & Schwarz 2009, Davis & Potts, 2009, Potts 2007a, 2007b, 2010; Potts & Schwarz 2010, Шаронов 2008 и др.);
- грамматические средства, которые обладают значительным эмотивным потенциалом, т.е. рассмотрение эмоций на синтаксическом уровне (например, [Озюменко 2015, Парсиева, Гацалова 2012, Федорова 2005]);
- сквернословие и табуированная лексика, которые также связаны с разными эмоциями и играют важную роль в их выражении (например, [Dewaele 2016, Jay 2009, Mackenzie (в печати), Жельвис 2001; Ларина, Озюменко, Горностаева 2012, Стернин 2015 и др.]);
- отрицательные эмоции и их функции в рамках изучения невежливости, грубости, речевой агрессии и нетолерантности в различных контекстах и дискурсах, например, в межличностной коммуникации, в медиадискурсе, политическом дискурсе и др. (см., например, [Воронцова 2012, Седов 2003, 2017, Харлова 2015, Щербинина 2017]);
- позитивная коммуникация (Ларина и др. 2011, Леонтович 2015, 2017) и позитивные эмоции, их прагматическое значение и эффект, который в некоторых контекстах может быть негативным (см., например, [Ионова 2015]);
- значение и функции эмоций в межкультурной коммуникации и необходимость эмоциональной/эмотивной компетенции (Besemeres & Wierzbicka 2007; Pavlenko 2002; Ларина 2009, 2013, 2017, Леонтович, Якушева 2014, Леонтович 2015, 2017);
- молчание как компонент дискурса, передающий эмоции — см., например, анализ стратегической паузы в электронных сообщениях (Marx 2015), описание «подавляющей паузы» ('overwhelming silence') как стратегии

- невежливости (Kaul de Marlangeon 2008) или молчание как маркер агрессивной речи (Воронцова, Копылова 2017) и др.;
- создание эмоций и обмен ими как одна из основных функций компьютерной коммуникации (см., например, Крылова 2017, Ortner 2015);
 - исследователи из Швейцарского центра по изучению эмоций (Swiss Center for Affective Sciences) посвятили большую часть своих работ изучению использования эмоциональных слов и эмоциональных концептуальных метафор (см., например, [Gillioz et al. 2016, Ogarkova et al. 2016, Soriano et al. 2015; Soriano 2013, 2015, 2016]). Эта тема широко изучается и российскими лингвистами (см., например, [Апресян 2005, Анферова 2017]);
 - исследовательская группа EMO-FunDETT в Мадриде (Испания) также проводит разнообразные дискурсивно-прагматические исследования по теме «Язык и эмоции». См., например, работы Маккензи, Маис-Аревалло, Санчо-Гинды и Юса в этом сборнике, исследования эмотивного языка в парламентском дискурсе (Carranza-Márquez 2012), анализ речевых актов в онлайн-коммуникации (Carretero, Maíz Arévalo & Martínez 2014), исследования по эмотиконам и выражению (не)согласия на сайтах социальных сетей (Maíz Arévalo 2014a, b, 2015), работы по эмотиконам и эмоциями в Интернете (Yus 2005, 2014), исследование эмоций в учебном дискурсе (Santamaría 2016)⁴. В настоящее время эта исследовательская группа готовит сборник статей под названием *Emotion in Discourse* (Эмоции в дискурсе) (под редакцией Mackenzie & Alba-Juez), в котором эмоции трактуются на основе дискурсивно-прагматического, а в некоторых случаях и междисциплинарного подхода;
 - научная школа эмотиологии во главе с профессором В.И. Шаховским активно разрабатывает новое направление — *экологическую эмотиологию* (Шаховский 2016). Она изучает приемы и методы эмоционального балансирования, амортизации конфликта, смягчения речевой агрессии, формирования способности к эмоциональной толерантности и т.д. Другими словами, можно сказать, что эмотивная лингвоэкология — это социально значимое исследовательское направление, цель которого — ориентировать участников коммуникации на позитивный вектор общения во всех его типах и сферах (см., например, [Волкова 2014, Волкова, Панченко 2016, Ионова 2015, Ионова (в печати), Ионова, Ларина 2015, Ренц 2016, Труфанова 2016, Шаховский 2013, 2015б, 2016 и многие другие]).

Мы обозначили лишь некоторые направления из растущего числа исследований, которые проводятся по эмоциям с позиций дискурсивно-прагматического подхода, отражающего изменение парадигмы в 21 веке. В настоящем выпуске журнала мы предлагаем вашему вниманию работы ряда видных российских и зарубежных лингвистов, изучающих эмоции с этих позиций.

⁴ Многочисленные публикации этой международной исследовательской группы можно найти на сайте проекта <http://emofundett.weebly.com/publications.html> в разделе «Publications».

2. КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ ДАННОГО ВЫПУСКА

Все авторы, представившие здесь свои работы, особое внимание уделили эмоционально-прагматическим вопросам, таким как значение эмоций, ирония, (не)вежливость в определенных типах дискурса (например, в библейском, политическом, финансовом и др.).

Открывает выпуск статья **Анны Вежбицкой** (Канберра, Австралия), в которой исследуются эмоции Иисуса Христа в Евангелии и уделяется особое внимание эмоциям *гнев*. Она утверждает, что для того, чтобы полностью понять учение Христа о «гневе», необходимо выйти за рамки отдельных слов того или иного языка и попытаться сформулировать простые предложения, используя универсальные (однозначные) слова. Для этой цели предлагается использовать разработанный автором и коллегами естественный семантический метаязык — Natural Semantic Metalanguage (NSM) (см. [Wierzbicka 1996, Goddard, Wierzbicka 1994, 2002] и др.) и с его помощью проанализировать этот конкретный вид дискурса. По мнению автора, естественный семантический метаязык позволяет заменить прямолинейные формулировки, такие как «Испытывал ли Иисус гнев?» или «Что говорил Христос о гневе?», более детальными и тонкими вопросами, позволяющими получить более точные и содержательные ответы.

В.И. Шаховский (Волгоград, Россия) на основе большого теоретического материала и в ходе глубокого анализа этапов становления языковой личности доказывает целесообразность включения эмоциональной компоненты в структуру концепта языковой личности и обосновывает необходимость нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность». В статье предлагается описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, отмечается, что новый термин не отвергает, а дополняет термин «языковая личность», заполняя структурную лакуну последнего. Автор описывает методику и определяет задачи исследования языковой личности, проводит сопоставительный анализ современных концепций и подчеркивает, что предложенная матрица улучшает экологию общения, снижает экологические риски, что позволяет в большей мере избегать коммуникативных помех и провалов в разных видах и жанрах общения.

В следующей статье **Дж. Лахлан Маккензи** (Амстердам, Нидерланды) исследует функционирование слов *sentiment* (настроение) and *confidence* (доверие) в финансовом журналистском дискурсе с целью проверить гипотезу о том, что они отличаются от их обычного употребления. Опираясь на функциональную семантику и теорию оценки (Martin & White 2005), он исследует, как эти слова используются в онлайн-корпусе финансовых услуг Гонконга (*Hong Kong Financial Services*). Результаты анализа данного корпуса показывают, что, хотя слова *sentiment* и *confidence* в общепринятом употреблении весьма различны и имеют разную валентность, в финансовом дискурсе они чаще всего используются как синонимы. Еще один важный вывод, сделанный в этой статье, заключается в том, что способ использования этих слов свидетельствует о том, что пишущие журналисты хорошо осознают роль эмоций как решающего фактора в процессе принятия решений инвесторами.

Статья **Франсиско Юса** (Аликанте, Испания) о том, как чувства и эмоции связаны с пропозициями в ироническом и интернет-дискурсе, показывает с точки зрения теории релевантности (Sperber & Wilson 1986), что, хотя чувства и эмоции, как правило, не пропозициональны, они играют важную роль в возможной интерпретации соответствующих пропозиций. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что непропозициональные чувства и эмоции важны для коммуникации не только в том случае, когда они могут быть частью возможной интерпретации (эмоциональное отношение адресанта), но также и тогда, когда они непроизвольно вытекают из акта коммуникации (то, что он называет “affective effects” «эмоциональные эффекты»).

А.А. Горностаева (Москва, Россия) также посвятила свое исследование иронии. Она проводит сопоставительный анализ дискурса российских, британских и американских политиков с целью выявления современных тенденций в употреблении иронических метафор, обусловленных изменениями в современном политическом дискурсе. Развивая дискурсивный подход к исследованию иронии, которая часто передается метафорой (Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005, Шилихина 2008), автор выявляет понятийные сферы, являющиеся наиболее активными источниками современных метафор. Результаты проведенного сопоставительного анализа показали высокую частотность употребления иронических метафор в современном политическом дискурсе, в том числе агрессивного характера, которые выполняют разнообразные функции. В статье выявлены некоторые особенности употребления метафор в русском, английском и американском политическом дискурсе, которые имеют культурную обусловленность.

Кармен Санчо-Гинда (Мадрид, Испания) анализирует эмоциональную просодию в оповещениях о рисках и исследует, как Национальный совет по безопасности на транспорте США (NTSB) оказывает эмоциональное воздействие на сознание и поведение широкой общественности с целью предотвращения рисков. Автор использует электронный корпус из более чем 500 инструкций о смертельной опасности на авиационном транспорте (за период 2010—2015 годов), ежегодно публикуемых на сайте NTSB. В качестве отправной точки используется концепция «дискурсивной просодии» (Stubbs 2001) и привлекается комплексная теоретическая база, которая включает нарратологию, корпусную лингвистику, критический дискурс-анализ, теорию проксимизации (Car 2013) и позиционирования (Harré & van Langenhove 1999). Автор показывает, что эмоциональная просодия, используемая NTSB, в большей степени опирается на риторику, чем на лексику, и что нарративные стратегии акцентирования и речевой репрезентации играют заметную роль в демонстрации характерного «эмоционального тона» с целью уменьшения рисков.

Кармен Майз-Аревало (Мадрид, Испания) анализирует эмоциональную самопрезентацию (т.е. процесс, посредством которого люди передают образ себя другим) в профилях WhatsApp. Материалом исследования явился корпус из 206 статусов WhatsApp на испанском языке. Результаты проведенного анализа показали, что наблюдается повторение шаблонов, связанных с такими переменными, как пол и возраст, и что эти шаблоны играют решающую роль в опреде-

лении того, какие эмоции пользователи предпочитают отображать в своих статусах профиля. Было выявлено, что женщины-пользователи превосходят мужчин-пользователей по употреблению эмоциональных речевых актов, что помогает закрепить социокультурный гендерный стереотип о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины. Что касается возрастного признака, то более молодые пользователи (20—30 лет) используют эмоции гораздо чаще, чем старшее поколение (50—60 лет). Еще один, вполне ожидаемый, вывод данного исследования заключается в том, что в целом положительные эмоции значительно превосходят отрицательные. Когда люди представляют себя через свой статус в WhatsApp, преобладающая эмоция — любовь.

Сильвия Каул де Марланьон (Рио Куарто, Аргентина) на основе прагматического социокультурного анализа исследует связь между нарочитой невежливостью (Kaul de Marlangeon 2005, 2008), эмоциями и экстимностью в дискурсе аргентинских знаменитостей региона Рио-де-ла-Плата. Автор характеризует концепт *extimacy* как форму преднамеренно агрессивных отношений, используемых для продвижения эго говорящего посредством своего рода эксгибиционизма, который предполагает выставление интимной жизни напоказ. Она анализирует многочисленные примеры проявления экстимности в средствах массовой информации. Результаты ее исследований показывают, что нарочитая невежливость, пропитанная негативными эмоциями и даже агрессией, оказывается обычной практикой среди знаменитостей средств массовой информации, и что как навязываемая, так и присущая звездам СМИ экстимность составляют новый способ их общения с аудиторией, что было ранее немыслимо.

Я.А. Волкова (Москва, Россия), **Н.Н. Панченко** (Волгоград, Россия) рассматривают дискурсивную вариативность концептов деструктивных эмоций *гнев*, *ревность*, *презрение*. На основе результатов анализа данных толковых и этимологических словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка, проведенного с применением семантического, когнитивного и дискурсивного анализа как в синхроническом, так и диахроническом аспекте, авторы выявили изменения в концептуализации деструктивных эмоций. Полученные результаты позволили выявить их различную вариативность и сделать вывод о том, что модификации коннотативных значений анализируемых лексем обусловлены динамикой и инверсией эмоциональных ценностей, связанных с отношением в социуме к деструктивным эмоциям и отражающих сдвиг в ценностных установках языковой личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог изложенному, отметим следующее: главная цель этого выпуска — познакомить читателей с работами исследователей из разных стран, которые посвятили большую часть времени изучению отношений между языком и эмоциями. Мы надеемся, что наша попытка удалась, и мы смогли пробудить в наших читателях интерес к этой увлекательной теме и вызвать положительные эмоции.

Мы благодарим всех наших авторов за интересные и глубокие статьи и приглашаем читателей, у которых возникли вопросы или комментарии, писать нам. Мы будем рады обсудить их в наших следующих выпусках.

© Laura Alba-Juez, Tatiana Larina, 2018

Л. Альба-Хуэс, Т.В. Ларина, 2018

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alba-Juez, Laura (forthcoming). Emotion and appraisal processes in language: How are they related? In Gómez González, M^a de los Ángeles & J. Lachlan Mackenzie (eds.), *The Construction of Discourse as Verbal Interaction*. Amsterdam: John Benjamins.
- Alba-Juez, Laura (2017). Evaluation in the headlines of tabloids and broadsheets: A comparative study. In Breeze, Ruth & Inés Olza (eds.), *Evaluation in media discourse. European perspectives*. Linguistic Insights series, volume 207. Bern: Peter Lang.
- Alba-Juez, Laura & Mackenzie, J. Lachlan (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.
- Alba-Juez, Laura (2016). The variables of the evaluative functional relationship: The case of humorous discourse. In L. Ruiz Gurillo (ed.) *Metapragmatics of Humor: Current Research Trends*. IVITRA Research in Linguistics and Literature, 11—34. Amsterdam: John Benjamins.
- Alba-Juez, Laura y Alba-Juez, Félix (2012). Identity, Evaluation, and Differential Equations. *Pragmatics and Cognition*, 20:3 (2012), 570—592. John Benjamins. ISSN 0929-0907 / e-ISSN 1569-9943. DOI: 10.1075.
- Bednarek, Monika (2008). *Emotion Talk across Corpora*. New York: Palgrave Macmillan.
- Besemeres, Mary, and Anna Wierzbicka (eds.) (2007) *Translating lives: Living with two languages and cultures*. St. Lucia: University of Queensland Press.
- Blakemore, Diane (2010). Communication and the representation of thought: The use of audience-directed expressions in free indirect thought representations. *Journal of Linguistics*, Volume 46, Issue 3, 575—599.
- Borod, Joan C., Lawrence H. Pick, Susan Hall, Martin Sliwinski, Nancy Madigan, Loraine K. Obler, Joan Welkowitz, Elizabeth Canino, Hulya M. Erhan, Mira Goral, Chris Morrison & Matthias Tabert (2000). Relationships among facial, prosodic, and lexical channels of emotional perceptual processing. *Cognition and Emotion*. 14(2). 193—211.
- Cap, Piotr (2013). *Proximization: The pragmatics of symbolic distance crossing*. Amsterdam: John Benjamins.
- Carranza Márquez, Aurelia (2012). Diferencias de Género en el Uso del Afecto dentro del Foro Parlamentario Andaluz. *Discurso y Sociedad*, Volumen 6(1), 98—114.
- Carranza, Aurelia (forthcoming). Emotional Argumentation in Political Discourse. In Fuentes, C. (ed.), *A Gender-based approach to parliamentary discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Carretero, Marta; Maíz Arévalo, Carmen & Martínez M. Ángeles (2014). “Hope this helps: An analysis of Expressive Speech Acts in online task-oriented interaction by university students”. In Romero Trillo, J. (ed). *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2014: New Empirical and Theoretical Paradigms* (Vol. 2). Switzerland: Springer, 261—290.
- Constant, Noah, Davis, Christopher, Potts, Christopher, & Schwarz, Florian (2009). The Pragmatics of Expressive Content: Evidence from Large Corpora. *Sprache und Datenverarbeitung*, 33 (1—2), 5—21.

- Davis, Christopher & Potts, Christopher (2009). Affective demonstratives and the division of pragmatic labor. In M. Aloni, H. Bastiaanse, T. de Jager, P. van Ormondt, & K. Schulz (eds). *Preproceedings of the 17th Amsterdam Colloquium*, 32—41.
- Dewaele, Jean-Marc (2016). Thirty shades of offensiveness: L1 and LX English users' understanding, perception and self-reported use of negative emotion-laden words. *Journal of Pragmatics* 94, 112—127.
- Ekman, Paul [2007 (2003)]. *Emotions revealed. Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. New York: St. Martin's Griffin.
- Foolen, Adrianus P. (2015). Word valence and its effects. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins, 241—255.
- Foolen, Adrianus P. (2016a). Expressives. In *The Routledge Handbook of Semantics*, ed. by Leon de Stadler and Christoph Eyrich, London and New York: Routledge, 473—490.
- Fussell, Susan R. (2002). The verbal communication of emotion: Introduction and overview. In S.R. Fussell (ed.), *The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1—22.
- Gibbs, Raymond W. Jr. (2010). Can there be a pragmatic theory for the entire world? *Plenary talk given at the 4th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication*. Madrid, 15—17 November 2010.
- Gillioz, Christelle, Fontaine, Johnny R. J., Soriano, Cristina & Scherer, Klaus R. (2016). Mapping emotion terms into affective space: Further evidence for a four-dimensional structure. *Swiss Journal of Psychology*, 75 (3), 141—148. DOI: 10.1024/1421-0185/a000180.
- Goddard, Cliff & Wierzbicka, Anna (eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff & Wierzbicka, Anna (eds.) (2002). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings* (Vols. 1—2). Amsterdam: John Benjamins.
- Halliday, Michael A. K. (1985). *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Harré, Rom & van Langenhove, Luk (1999). *Positioning Theory: Moral contexts of intentional action*. Oxford: Blackwell.
- Harkins, Jean & Wierzbicka, Anna (eds.) (2010). Emotions in Crosslinguistic Perspective. Series: Cognitive Linguistics Research [CLR] 17. De Gruyter Mouton.
- Janney, Richard W. & Arndt, Horst (1992). Intracultural tact versus intercultural tact. In Watts R., Ide S., Ehlich K. (eds). *Politeness in Language*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2—42.
- Jay, Timothy (2009). The utility and ubiquity of taboo words. *Perspectives on Psychological Science*, 4(2), 153—161.
- Kaul de Marlangeon, Silvia (2005). Descortesía de fustigación por afiliación exacerbada o refractariedad (cap.11). D. Bravo (Ed.), *Estudios de la (des) cortesía en español. Categorías conceptuales y aplicaciones a corpora orales y escritos* (Vol. I, pp. 299—318). Buenos Aires: Programa EDICE-Dunken.
- Kaul de Marlangeon, Silvia (2008). Tipología del comportamiento verbal descortés en español. *Actas del III Coloquio del Programa EDICE: Cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral*. Valencia/Stockholm: Departamento de Filología Española, Universidad de Valencia. 254—266.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. In *International Review of Pragmatics*, Vol. 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
- Lüdtkke, Ulrike M. (2015). Introduction: From logos to dialogue. In U. Lüdtkke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, vii—xi.

- Mackenzie, J. Lachlan (forthcoming). The syntax of an emotional expletive in English. In J. L. Mackenzie & L. Alba-Juez (eds.), *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Mackenzie, J. Lachlan & Alba-Juez, Laura (forthcoming). *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Maíz Arévalo, Carmen (2014a). A pragmatic and multimodal analysis of emoticons and gender in social networks. In A. Sánchez Macarro y A. B. Cabrejas Peñuelas (eds.), *New Insights into Gendered Discourse Practices: Language, Gender and Identity Construction*. Valencia: Servei de Publicacions de la Universitat de València, 173—195.
- Maíz Arévalo, Carmen (2014b). Expressing disagreement in English as a lingua franca: Whose pragmatic rules? *Intercultural Pragmatics*, 11 (2): 199—224. Doi: 10.1515/ip-2014-0009.
- Maíz Arévalo, Carmen (2015). DCTs versus Naturally Occurring Data in the Realization of Disagreement by Non-Native Speakers of English. In Sara Gesuato, Francesca Bianchi and Winnie Cheng (eds), *Teaching, Learning and Investigating Pragmatics: Principles, Methods and Practices*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 185—205.
- Majid, Asifa (2012). Current emotion research in the language sciences. *Emotion Review* 4(4), 432—443.
- Martin, John R. & Peter R. R. White (2005). *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan.
- Marx, Konstanze (2015). Silences as a linguistic strategy. Remarks on the role of the unsaid in romantic relationships on the internet. In U. Lüdtke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, 325—339.
- Ochs, Elinor & Schieffelin, Bambi (1989). Language has a heart. In *Text* 9 (1), 7—25.
- Ogarkova, Anna, Soriano, Cristina & Gladkova, Anna (2016). Methodological triangulation in the study of emotion. The case of ‘anger’ in three language groups. *Review of Cognitive Linguistics*, 14(1): 73—101.
- Ortner, Heike (2015). Mediated emotions. Emotivity in the age of information and communication technologies. In U. Lüdtke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, 306—324.
- Ortony, Andrew & Turner, Terence J. (1990). “What’s basic about emotions?” *Psychological Review*, Vol. 97, N° 3, 315—331.
- Panksepp, Jaak (1982). “Toward a general psychobiological theory of emotions”. *The Behavioral and Brain Sciences*, 5, 407—467.
- Pavlenko, Aneta (2002). Emotions and the body in Russian and English. *Pragmatics and cognition*. Vol. 10 (1), 202—242.
- Pistor, Tillman (2016). Prosodic universals in discourse particles. *Speech Prosody* 2016—178. Doi: 10.21437/.
- Potts, Christopher (2007a). The expressive dimension. *Theoretical Linguistics*, 33(2), 165—198.
- Potts, Christopher (2007b). The centrality of expressive indices. *Theoretical Linguistics*, 33(2), 255—268.
- Potts, Christopher (2010). On the negativity of negation. In D. Lutz & Li (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory* 20, 636—659.
- Potts, Christopher & Schwarz, Florian (2010). Affective ‘This’. *Linguistic Inquiry*, 3(5), 1—30.
- Russell, James A. (1991). Culture and the categorization of emotions. In *Psychological Bulletin*, Vol. 110, N° 3, 426—450.
- Santamaría García, Carmen (2016). Emotions and Classroom Management. In M. F. Litzler, J. García Laborda and C. Tejedor Martínez (eds.), *Beyond the universe of Languages for Specific Purposes*. Alcalá: University of Alcalá, 27—33.

- Schwarz-Friesel, Monika (2010). Expressive Bedeutung und E-Implikaturen — Zur Relevanz konzeptueller Bewertungen bei indirekten Sprechakten: Das Streichbarkeitskriterium und seine kognitive Realität. In *Kultura Kak Tekst* (Kultur als Text), William Rudnitzky (ed.) Moskau: SGT, 12—27.
- Schwarz-Friesel, Monika (2015). Language and emotion. The cognitive linguistic perspective. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins. 157—173.
- Scollon, Ron, Scollon, Susan Wong & Jones, Rodney H. (2012). *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Oxford: John Wiley and Sons.
- Soriano, Cristina (2016). El lenguaje de las emociones. In M. C. Horno Chéliz, I. Ibarretxe Antuñaño & J.L. Mendivil Giró (Eds.). *Panorama actual de la ciencia del lenguaje*. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 243—259.
- Soriano, Cristina (2015). Emotion and conceptual metaphor. In H. Flam and J. Kleres (Eds.), *Methods of Exploring Emotions*. New York & London: Routledge, 206—214.
- Soriano Cristina (2013). Conceptual metaphor theory and the GRID paradigm in the study of anger in English and Spanish. In J. R. J. Fontaine, K. R. Scherer & C. Soriano (eds). *Components of emotional meaning: A sourcebook*, Oxford: Oxford University Press.
- Soriano, Cristina., Fontaine, Johnny R. J. & Scherer, Klaus R. (2015). Surprise in the GRID. In A. Celle & L. Lansari (Eds.), “Expressing and Describing Surprise”. Special issue of Review of Cognitive Linguistics, 13(2): 436—460. DOI 10.1075/rcl.13.2.07sor
- Sperber, Dan & Wilson, Deirdre (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
- Stern, Gustaf ([1931] 1965). *Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Language*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Stubbs, Michael (2001). Texts, corpora, and problems of interpretation: a response to Widdowson. *Applied Linguistics* 22, 149—172.
- van Gelden, Tim (1998). The dynamical hypothesis in cognitive science. In *Behavioral and Brain Sciences* 21, 615—665.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yus, Francisco (2005). Attitudes and emotions through written text: The case of textual deformation in Internet chat rooms. *Pragmalingüística*, 13: 147—174.
- Yus, Francisco (2014a). “Not all emoticons are created equal.” *Linguagem em (Dis)curso* (special issue on relevance theory) 14(3): 511—529.
- Анферова К. Н. Эмоциональная и эмпатическая функции метафоры (на материале диалогов интернет-форума свободного общения) // *Российский гуманитарный журнал*. 2017. Том 6. № 2. С. 182—193. [Anferova K.N. (2017). Emotional and empathic functions of the metaphor. *Russian humanitarian journal*. Vol. 6. № 2. P. 182—193. (In Russ.)]
- Апресян В.Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // *Эмоции в языке и речи*. М.: 2005. С. 9—30. [Apresyan, V.Y. (2005) In: I.A. Sharonov (ed.). *Emotions in language and speech*. Moscow: RGGU Publ, 9—30. (In Russ.)]
- Вежицкая А. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Wierzbicka, Anna (2001). *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография*. Волгоград: Перемена, 2014. [Volkova Ya.A.(2014). *Destructive communication in the cognitive-discursive perspective*. Volgograd:Peremena Publ. (In Russ.)]

- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178. [Volkova Ya.A., Panchenko N.N. (2016) Destructiveness in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20, 4, 161—178. (In Russ.)]
- Воронцова Т.А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Г.Я. Солганик. *Язык СМИ и политика*. М.: Изд-во Московского университета, 2012. [Vorontsova T.A. (2012). Speech aggression, tolerance, politeness. In: G.Ya. Solganik (ed.). *Language of the media and politics*. Moscow: Moscow University Publ., 2012. (In Russ.)]
- Воронцова Т.А., Копылова Т.Р. Молчание как маркер агрессивной речи (на материале бытового общения) // *Филологический класс*. 2017. № 3 (49). [Vorontsova, T.A., Kopylova T.R. (2017). Silence as a marker of aggressive speech behavior (a case study of day-to-day communication). *Philological Class*, 3 (49). (In Russ.)]
- Гладкова А. *Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010. (Язык. Семиотика. Культура). [Gladkova, Anna (2010). *Russian cultural semantics: Emotions, values and attitudes*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. (Language, Semiotics, Culture) (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Лингвистика». 2014. № 3. С. 64—74. [Gornostaeva A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment? *Russian Journal of Linguistics* № 3, 64—74. (In Russ.)].
- Жельвис В.И. *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Изд. 2-е. М.: Ладомир, 2001. [Zhelvis V.I. (2001). *Field of battle. Swearing as a social problem in the languages and cultures*. 2-nd edition. Moscow: Ladomir Publ, 2001 (In Russ.)].
- Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 20—30 [Ionova S.V. (2015). Emotional effects of positive forms of communication. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 20—30. (In Russ.)]
- Ионова С.В. *Теоретические основы лингвистики эмоций*. Волгоград: Изд-во «Перемена» (в печати). [Ionova, Svetlana (forthcoming). *Linguistics of emotions*. Volgograd: Publishing house Peremena. (In Russ.)]
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 7—10. [Ionova, S. V., Larina T.V. (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*. (1), 7—10. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 191—200. [Karasik V.I. (2013). Axiological characteristics of ecological communication. In: Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: Peremena Publ. 191—200. (In Russ.)].
- Крылова М.Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях // *Филология и литературоведение*. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (дата обращения: 28.09.2017). [Krylova, M.N. (2017). Expression of emotions in social networks. *Philology and literary criticism*. 2016, 1 [Electronic resource]. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (reference date: September 28, 2017).
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика.

Культура). [Larina, Tatiana (2009). *Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions*, Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (Language, Semiotics, Culture). (In Russ.)]

Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 144—163. (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013. [Larina, Tatiana (2013). *The English and the Russians: Language, Culture and Communication*], Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации* [Larina, Tatiana (2017). *Intercultural Communication*. Moscow: Academia Publ. 2017. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2012. № 2. С. 126—133. [Larina, T.V., Kozyreva, M.M., Gornostayeva, A.A. (2012). A study of rudeness and communicative ethics in an intercultural perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 126—133. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Озюменко В.И., Горностаева А.А. Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект // *Вопросы психолингвистики*. 2012, 2 (16), С. 30—39. [Tatiana V. Larina, Vladimir I. Ozyumenko, Anna A. Gornostayeva (2012). Swear Words in English Communication: Meaning and Functions. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (16), 30—39. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Озюменко В.И., Ишанкулова Д.Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // *Вопросы психолингвистики*. 2011. № 1 (13). С. 52—63 [Larina, T.V., Ozyumenko, V.I., Ishankulova, D.G. Positive Thinking of the People of Anglo culture and its Reflection in Language and Communication. *Journal of Psycholinguistics*, 1 (13), 52—63 (In Russ.)]

Леонтович О.А. «Две души и единая воля»: позитивная коммуникация в межкультурной семье // *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2017. № 2 (18). С. 89—105. [Leontovich, O. A. (2017) “Two souls and one will”: Positive Communication in an Intercultural Family. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2017, 2 (18), 89—105 (In Russ.)].

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163 [Leontovich, O. A. (2015) Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 164—176. (In Russ.)]

Леонтович О.А., Якушева Е.В. *Понимание — начало согласия: межкультурная семейная коммуникация*. М.: Гнозис, 2014. [Leontovich, O. A., Yakusheva, E. V. (2004). *Understanding as the beginning of agreement: intercultural family communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова. Курск: Изд-во КГУ, 2000. [Myagkova, E.Yu. (2000). *Emotional-sensual component of the psychological structure of the meaning of the word*. Kursk: KSU Publ. (In Russ.)]

Озюменко В.И. Выражение эмоций грамматическими средствами английского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 126—143 [Ozyumenko, V.I. (2015). Grammatical Means of Expressing Emotions in English Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 126—143. (In Russ.)]

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*.

2017. Т. 21. № 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V. I. (2017). [Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression]. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. *Грамматические средства выражения эмотивности в языке*. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. [Parsieva, L.K, Gatsalova, L.B. (2012). *Grammatical means of expressing emotivity in the language*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ. In Russ.]
- Ренц Т.Г. Репрезентация категории эмотивности в эмотивно-прагматических установках участников романтического общения. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 178—189. [Rents, T.G. (2015). Representation of Emotivity in Emotive and Pragmatic Attitudes of Participants in Romantic communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 178—189 (In Russ.)]
- Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // *Прямая и непрякая коммуникация*. Саратов: Колледж. 2003. [Sedov, K.F. (2003). Speech aggression in interpersonal interaction. In: *Direct and indirect communication*. Saratov: College Publ. (In Russ.)]
- Седов К.Ф. *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2017. [Sedov, K.F. (2017). *General and Anthropocentric Linguistics*. Moscow. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Проблемы сквернословия*. Изд. 6-е. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Sternin I.A. (2015). *Problems of swearing*. 6th ed. Moscow — Berlin: Direct-Media. (In Russ.)]
- Труфанова И.В. Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 274—287. [Trufanova, I.V. (2013). Ecological and non-ecological speech acts in the sphere of emotive communication. In: Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: Peremena Publ. 388—393. (In Russ.)]
- Федорова Л.Л. Эмоции в грамматике // *Эмоции в языке и речи*. М.: 2005. С. 178—199. [Fedorova, L. L. Emotions in grammar. In: I.A. Sharonov (ed.) (2005). *Emotions in language and speech*. Moscow: RGGU Publ, 178—199. (In Russ.)]
- Харлова М.Л. Эмоции в невежливой и грубой коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 3. С. 84—98. [Kharlova, M.L. (2015). Emotions in Impolite and Rude Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 84—98. (In Russ.)]
- Шаронов И.А. *Междометия в речи, тексте и словаре*. Москва: РГГУ, 2008. [Sharonov, I.A. (2008). *Interjection in speech, text and vocabulary*. Moscow: RSUH Publ., 2008. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. [Shahovsky, V.I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология*. URSS Publ. 2010 [Shahovsky, V.I. (2010 c) Jemocii: Dolvingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: Alinguistic, linguistics, cultural linguistics.]. Izd.stereotip. URSS Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015а. [Shahovsky, V.I. (2015а) *Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens*. 3-d edition. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015б. № 1. С. 11—19. [Shakhovsky, V.I. (2015б). Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 11—19. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. [Shahovsky, V.I. (2016). *Dissonance in communicative sustainability: people, language, emotions*. Volgograd: IP Polikarpov Publ. (In Russ.)]

Щербинина Ю.В. *Речевая агрессия. Территория вражды*. М.: Форум, 2016. [Scherbinina, Yu.V. (2016). *Verbal aggression. The territory of enmity*. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)]

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. [Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: VGSPU Peremena Publ. (In Russ.)]

For citation:

Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Для цитирования:

Альба-Хуэс Л., Ларина Т.В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. No 1. С. 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Bionotes:

LAURA ALBA-JUEZ is Full Professor at the Faculty of Philology of the National Distance Education University (UNED), in Madrid, Spain. She is the Principal Investigator of the EMO-FunDETT project (FFI2013-47792-C2-1-P), funded by the Spanish Ministry of Economy and Competitiveness. The project studies the emotive function of language from a discourse perspective, especially as manifested in work environments. She is a member of the board of the *Russian Journal of Linguistics*. Her main research interests are found in the fields of discourse analysis, pragmatics, and functional linguistics. Her latest publications include the book entitled *Pragmatics: Cognition, Context and Culture* (in co-authorship with J. Lachlan Mackenzie, 2016, McGraw Hill), the volume entitled *Evaluation in Context* (in co-edition with Geoff Thompson, 2014, John Benjamins), the book *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice* (Cambridge Scholars, 2009) and numerous scientific articles in linguistics journals. She is currently working on the edition (together with J. Lachlan Mackenzie) of the volume *Emotion in Discourse* (whose proposal has been accepted by John Benjamins Publishers). *Contact information*: <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

TATIANA V. LARINA is Full Professor at RUDN University, and is the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of Linguistics*. Her research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics, intercultural communication, communicative ethnostyles, (im)politeness theory, and the linguistic and cultural study of emotion. Key publications: *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions], Moscow, 2009; *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The English and the Russians: Language, Culture and Communication], Moscow, 2013; *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Intercultural Communication], Moscow, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015. *Contact information*: larina_tv@rudn.ru

Сведения об авторах:

ЛАУРА АЛЬБА-ХУЭС — доктор, профессор филологического факультета Национального университета дистанционного образования (Мадрид, Испания), координатор докторских программ по филологии. Она является руководителем научно-исследовательского проекта по изучению эмоциональной функции языка ЕМО-FunDETT (FFI2013-47792-C2-1-P), финансируемого Министерством экономики и конкурентоспособности Испании, членом редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика». Ее научные

интересы находятся в области анализа дискурса, прагматики и функциональной лингвистики. Среди основных публикаций — *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*, 2016, McGraw Hill (соавтор — J.L. Mackenzie), *Evaluation in Context*, 2014, John Benjamins (сопоредактор — Geoff Thompson), *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*, Cambridge Scholars, 2009, а также многочисленные статьи в лингвистических журналах. В настоящее время совместно с Дж. Лахлан Маккензи она работает над книгой *Emotion in Discourse* (John Benjamins Publishers). *Контактная информация*: <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

ЛАРИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; этнокультурные стили коммуникации; теория (не)вежливости; эмоции в языке, культуре и коммуникации. Основные публикации: *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009; *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013; *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Академия, 2017; *Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015. *Контактная информация*: larina_tv@rudn.ru

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

The research done for this work has been partly funded by the Spanish Ministry of Economy and Competitiveness (MINECO), through the EMO-FunDETT project (FFI2013-47792-C2-1-P — <http://www.uned.es/projectofundett/>).

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование частично профинансировано Министерством экономики и конкурентоспособности Испании. Проект EMO-FunDETT (FFI2013-47792-C2-1-P — <http://www.uned.es/projectofundett/>).